

Благодарю Юлия Гариену

ОБРАЗЫ КИТАЙСКИХ ЧИНОВНИКОВ В РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье представлены характеристики наиболее влиятельных и авторитетных китайских чиновников XIX - начала XX века, данные российскими публицистами на страницах отечественных дореволюционных периодических изданий. Образы неординарных политических деятелей помогли российскому образованному читателю представить себе специфику не только китайской административной системы, но и традиционной культуры, нравственных устоев, духовных ценностей китайского народа. Описывая острые события, происходящие в зарубежных государствах, публицисты заставляли задуматься своих соотечественников над происходящим в их собственной стране.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/7-2/6.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. II. С. 24-28. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

4. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-Логос / пер. с англ., нем., фр. М.: Прогресс, 1991.
5. Золотухина-Аболина Е. В. Повседневность: философские загадки. Киев: Ника-Центр, 2006. 256 с.
6. Ионин Л. Г. Повседневность // Культурология: XX век: энциклопедия. СПб.: Университетская книга, 1998. Т. 2. С. 122-123.
7. Кондрашов П. Н. Марксистская теория повседневности: попытка предварительной экспликации // Философия и общество. 2006. № 3. С. 98-115.
8. Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб.: СПбГАК, 2002. 320 с.
9. Лотман Ю. М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1977. Вып. 411. С. 65-89.
10. Любутин К. Н., Кондрашов П. Н. Диалектика повседневности: методологический подход. Екатеринбург: УрГУ; ИФиП УрО РАН; РФО, 2007. 295 с.
11. Марков Б. В. Храм и рынок: человек в пространстве культуры. СПб.: Алетейя, 1999. 304 с.
12. Ревко П. Искусственные интеллектуальные системы и повседневная жизнь человека. Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2009. 130 с.
13. Сыров В. Н. О статусе и структуре повседневности: методологические аспекты // Личность. Культура. Общество. 2000. Т. 2. Спец. выпуск. С. 147-159.
14. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 23-34.
15. Элиас Н. О процессе цивилизации: социогенетические и психогенетические исследования: в 2-х т. М. – СПб.: Университетская книга, 2001.

DAILY LIFE CRITERIA: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BACKGROUNDS OF DAILY LIFE HISTORY

Elena Vadimovna Bannikova, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Russian History
Orenburg State Pedagogical University
ida777@yandex.ru

The author presents one of the controversial issues of daily life research – those aspects of human existence which are regarded as routine, analyzes various research approaches to everyday practice of a man and undertakes the attempt to identify the most universal criteria of daily life under the procedural approach to its research. The article topicality is connected with the need to integrate the researches of philosophical, cultural, sociological and historical character devoted to daily life for the creation of a new, comprehensive scientific approach to the research of society and man.

Key words and phrases: daily life; philosophical and historical conceptions of daily life; daily life criteria.

УДК 94(5):930.85

В статье представлены характеристики наиболее влиятельных и авторитетных китайских чиновников XIX – начала XX века, данные российскими публицистами на страницах отечественных дореволюционных периодических изданий. Образы неординарных политических деятелей помогали российскому образованному читателю представить себе специфику не только китайской административной системы, но и традиционной культуры, нравственных устоев, духовных ценностей китайского народа. Описывая острые события, происходящие в зарубежных государствах, публицисты заставляли задуматься своих соотечественников над происходящим в их собственной стране.

Ключевые слова и фразы: история Китая; Цинская империя; конфуцианские принципы; китайские чиновники; китайские реформаторы; российская публицистика.

Юлия Гариевна Благодар, к.и.н.

Кафедра политологии и права

Кубанский государственный технологический университет

blagoder_1@mail.ru

ОБРАЗЫ КИТАЙСКИХ ЧИНОВНИКОВ В РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА[©]

К середине XIX столетия интерес к Китаю в дворянских и разночинных слоях российского сообщества был пробужден. Не только политики, но и интеллектуальные круги были заинтригованы событиями на Дальнем Востоке. Рассказы о формах государственной организации, отличных от отечественной, в очередной раз этот интерес подогревали. Российские дипломаты и путешественники, служившие в Китае или временно посещавшие эту страну, считали своим долгом информировать соотечественников об изменениях политической ситуации в стране, особенностях местных политических институтов, функциональной специфике императорской власти, государственной и императорской символике, законах и множестве иных элементов китайской действительности.

Приемлемым полем для обсуждения насущных проблем в среде российской интеллигенции становится публицистическая деятельность. Наиболее прогрессивные ее сторонники стремились объективно осветить происходящие события, воссоздать на бумаге правдивую картину жизни, дать справедливые оценки и показать реальные перспективы. Демократически настроенные литераторы активно использовали такие жанры, как статья, беседа, трактат, очерк, для распространения политических и философских идей. Тонко чувствуя запросы времени, российская периодическая печать испытывала в тот период тенденцию к тематической разносторонности, энциклопедичности содержания, интерес к которым проявляло все большее число читателей.

Как отмечал известный историк А. М. Позднеев, начиная с XIX века «Китай привлекал пристальное внимание Европы и России, ощущающих потребность не только в познании общей картины исторического прошлого азиатских народов, но и знакомстве с конкретными носителями их культурного наследия» [11, с. 228]. Газетные и журнальные статьи того времени не содержали глубоких аналитических справок о событиях и их участниках, но, применяя художественные приемы, все же делали попытку раскрыть индивидуальность конкретного человека и увидеть в преломлении его жизни определенную эпоху. Если в XVIII веке навязывалась система статичных стереотипных образов, то публицистика следующего столетия наполнена не только легендарными и мифическими персонажами, но и лишенными мистического ореола «лицами» современников.

Среди политических лидеров, руководивших судьбой Цинского государства второй половины XIX – начала XX века, одно из видных мест принадлежит императрице Цы Си [4; 8; 13]. Благодаря неординарным способностям ей удалось осуществить то, что для Китая всегда считалось невозможным: при номинальных императорах-мужчинах она стала полновластной правительницей огромной империи. Обладая необыкновенной силой характера и безудержной жадностью власти, Цы Си влияла на ход истории государства около 50 лет [2].

На фоне засилия конфуцианских догматиков, которыми российские либералы видели местных чиновников, рельефно выделялись образы неординарных китайских политиков-реформаторов. Так, некогда скромный писарь Ли Хунчжан, не принадлежащий маньчжурскому роду, сделался могущественным человеком, которого боялись и воле которого повиновались четыреста миллионов человеческих существ. Обладая гибким и пронзительным умом, свободным от сомнений и предрассудков, он смог выступить примирителем империи и спасителем трона, за что был назван публицистами «китайским Бисмарком» [5, с. 84]. «Башни измеряются по их тени, а великие люди по числу их завистников» – гласит китайская поговорка. Цензоры делали все, чтобы его свергнуть, но их усилия не увенчались успехом. Имея в своем распоряжении огромное богатство, располагая флотом и армией в 75 000 человек, Ли Хунчжан фактически повелевал Небесной империей и являлся единственным сановником, пользующимся всеобщим авторитетом. «В тонких чертах вице-короля, в увертливой подвижности его взгляда и бесстрашной суровости маски, в рассчитанной медлительности речи и сдержанно-учтивой любезности сквозит дипломат и сказывается государственный человек» [Там же, с. 83]. В Европе его считали китайцем, а в Китае – европейцем. Ли Хунчжан был хорошо знаком с нуждами своего отечества и глубоко изучил западный мир. Участвуя в переговорах с представителями европейских держав, «благодаря своему дипломатическому таланту он умело лавировал между Сциллами и Харибдами европейской политики» [14, с. 310]. Демонстрируя приветливость и любезность с иностранными дипломатами, выжидал и слушал, убежденный, как мудрец, что истины, которые менее охотно выслушиваются, именно те, знать которые всего интереснее. Российская периодическая печать называла его «другом нашего Отечества» за то, что он, выстраивая линию межгосударственных отношений, учитывал «связь России и Китая не только общностью границы, но и тождеством интересов на Азиатском Востоке» [Там же]. Его горячая приверженность к западно-европейской культуре, вызывающая враждебное отношение сторонников китайской старины, послужила поводом к близкому знакомству с английским послом в Пекине О'Коннором, его соотечественником – генералом Гордоном (его армия подавила Тайпинское восстание), а также бывшим прусским офицером фон Хеннекенем, руководившим организацией китайских укреплений. Среди общего скептицизма этот государственный деятель сохранял твердое убеждение, что Китай несокрушим.

В Цинской империи, как и в России, носителем идеи возрождения былого процветания и вдохновителем реформаторского движения являлся образованный слой населения. Представители просвещенной китайской элиты выступали против системы либеральных преобразований, свойственных европейской цивилизации, но предлагали «взять» у Запада промышленную и военную технику, принципы формирования политической системы. Они надеялись, что их родина, «сравнившись с Европой в техническом умении и целесообразности своих учреждений, будет превосходить ее своей терпимостью, несклонностью к религиозным и национальным распрям, вражде одного общественного класса к другому. Покорит мир святая мудрость Конфуция, завещавшего жить в мире и труде» [1, с. 228], потому что они заслуживают особого уважения и являются высокоморальными средствами достижения благополучия.

Представители российской интеллигенции, видевшие будущее своего отечества в фарватере европейской культуры, выказывали симпатии тем китайским политикам, которые разделяли их убеждения. Среди таких можно назвать губернатора провинции Хунань Чан Читун, принадлежавшего партии реформаторов, который с уважением относился к европейской системе ценностей. В сочинении «Учитесь» (за что был у себя на родине приговорен к смертной казни) он обращался с призывом покончить со всеми устаревшими традициями, вступить с Западом, особенно в сфере торговли, в тесные отношения и установить между государством и народом лояльность и гармонию. Для того чтобы Китай вновь стал единым и могущественным, необходимо оказать помощь императору в проведении реформ, не противоречащим Святым книгам. «“Золотой век” Конфуция, – пишет он, – не имеет ничего общего с нашим временем» [12, с. 300]. По его мнению, то, что было достаточным в прошлые столетия, теперь не отвечало реалиям идущего в передовых державах

технического прогресса. Российская периодическая печать предлагала и своим соотечественникам прислушаться к его совету активно заимствовать лучшее у Европы, проповедовать веротерпимость, распространять знания, вводить профессиональное образование.

В российских журналах писали также о министре иностранных дел Кан Ювэе. Обладая глубокими знаниями западной культуры, он оставался истинным китайцем, считая, что реформистский дух берет свое начало от политических и философских взглядов древних тайных обществ. Они «живут в душе каждого китайца и являются неисчерпаемым источником национальной гордости, необычной солидарности и гуманистических идей» [10, с. 253]. Лучшие слои китайского общества «живо чувствовали унижение своей родины европейскими державами и давно мечтали о национальном возрождении Китая». Кан Ювэй отказался от предварительной пропаганды своих идей в народе. Получив возможность оказывать сильное влияние на слабого императора, политик ознакомил его с составленным планом умеренных реформ, опираясь на своих учеников, которым правитель в 1889 г. предоставил высшие посты. Стремление реформистской партии укрепить собственное правительство, «поставить его на равную ногу с иностранными политическими институтами и дать Китаю учреждения современных обществ» [Там же] не увенчались успехом. Говоря о причинах краха реформистской деятельности Кан Ювэя, упоминали о том, что российскому правительству, отлично понимавшему, что в случае усиления Китая придется отказаться от своих планов в Маньчжурии, «легко удалось убедить консервативные элитарные круги оказать сопротивление Кан Ювэю и его приверженцам» [Там же].

Происходящие в начале XX века в Китае события показали, что не прошли еще те времена, когда удачливый и предприимчивый человек мог сделаться повелителем целой страны. Речь идет о Юань Шикае, биография которого вызывала необыкновенный интерес российской общественности. Ряд изданий регулярно помещал небольшие очерки о нем. В жизни этого неординарного человека взлеты на вершину власти неоднократно сменялись падениями [10].

Став президентом, Юань Шикай предпринял ряд шагов в сторону усиления влияния и в то же время ответственности представителей центральной государственной власти в провинциях. По его приказу губернаторы были обязаны совершать инспекторские поездки для ознакомления с работой подчиненных в целях искоренения злоупотреблений, которые, усугубляя нужды народа, могли бы явиться причиной волнений. Итоговые отчеты чиновников передают не только впечатления их авторов о состоянии осмотренных территорий, но и содержат конструктивные предложения «к улучшению благосостояния населения и устранению некоторых нежелательных явлений, порожденных местными условиями» [6, с. 37]. История Китая говорит о существовании в среде чиновничества как взяточников, так и правдолюбцев, то есть «тех, кто видел смысл своей жизни в следовании по пути древних мудрецов, и тех, кто использовал идеи и институты древности в качестве удобной ширмы для роста собственного благополучия» [3, с. 46]. Различие позиций можно было наблюдать и в начале XX столетия. Некоторые губернаторы, желая произвести на президента Юань Шикая благоприятное впечатление, «употребляли стереотипные, ничего не говорящие фразы официального оптимизма», к примеру, о том, что «учащиеся обнаруживают полное прилежание к наукам», «землепашцы со всем рвением отдаются сельскому хозяйству», а «ремесленники и купцы спокойно занимаются своими делами» [6, с. 37].

Долг занимал в системе китайских этических и социальных ценностей одно из ведущих мест. Олицетворением высокой морали мог стать лишь тот, кто воплощал в себе гуманность и чувство долга. Говоря о таких важных для китайской традиционной системы этических категориях, российские публицисты отмечали, что всегда именно долг выходил на передний план, оттесняя все, что было связано с чувственно-эмоциональным началом, индивидуальными переживаниями и интересами. Ряд донесений, бесспорно, принадлежит в высшей степени ответственным чиновникам, открыто называющим недостатки и проблемы. Укажем несколько примеров.

Ци Яолин, губернатор Цзянсу, отмечая общий показатель экономического роста, констатирует упадок шелковой промышленности из-за европейской интервенции. В ходе проверки им были наложены наказания на виновных в выявленных случаях злоупотреблений служебным положением, а также отмечены и положительные действия властей в борьбе с разбойничеством и проведении настойчивой работы с населением по поводу борьбы с наводнениями. Чэнь Цзиньцзянь, губернатор столичной префектуры, называл истинные масштабы ущерба, нанесенного природной стихией. Особо обращал внимание на бедственное положение бывшего знаменного населения и низкий уровень образовательной системы, вызванный недостатком в опытных учителях и нехваткой денежных средств. Лун Цзяньчжан, губернатор Гуйчжоу, констатировал ухудшение профессиональных качеств личного состава администрации. Выступал с предложением провести судебную реформу для повышения качества правового регулирования социальных отношений. Кроме того, высказывал конкретные предложения по улучшению судоходства. Ци Ян, губернатор Цзянси, причину упадка местной фарфоровой промышленности видел в неограниченном импорте иностранного товара. Он обращал внимание высших органов государственной власти на то, что, используя политическое влияние и военную силу, европейские державы активно продвигают интересы собственных коммерческих компаний, не заботясь о благополучии местных жителей. Люй Тяоюань, губернатор Шэньси, пишет о беззакониях, творимых «мятежниками и разбойниками», связывая причину их появления с обеднением широких слоев населения.

Можно отметить, что в Китае нет людей, которые бы так или иначе не были зависимы от других. Чувством взаимной ответственности проникнуты все их действия, и влияние его ощущается даже на самых верхних ступенях иерархической лестницы. Дж. Макгован сравнивал китайский народ со сложным часовым механизмом, в котором детали точно прилажены друг к другу. «Начиная от императора и заканчивая последним из подданных, – пишет он, – все жители страны являются лишь отдельными зубчиками того колоссального механизма, который

может быть назван китайской нацией» [7, с. 186]. Все трагические случаи и происшествия, происходящие в уезде, указывают на дефекты в управлении местного начальника, а также на его моральные недостатки. Согласно этой теории, если «чиновник воодушевлен благородными побуждениями и ведет образцовую жизнь, среди населения не произойдет ни грабежа, ни убийства, а, наоборот, будут проявляться высокие принципы, заложенные Небом в душу каждого человека» [Там же, с. 183]. В свете сказанного составление названными выше губернаторами отчетов, содержащих критические замечания, было равносильно признанию собственного несовершенства и недостойного поведения, поэтому решиться на подобный шаг могли воистину высокоморальные и мужественные люди. Отчеты раскрывали реальную картину жизни провинциального Китая [6, с. 31-34]. В них отражалась политика центрального правительства и местных органов по отношению к народу, проникнутая желанием возрождения былого величия и достижения культурного процветания, но при этом слабым, номинальным отеческим попечением. На деле ситуация не благополучна: злоупотребления и хищения со стороны местной администрации столь же распространены, если не более, при республике, как и при прежней монархической империи. Переменились только лица, а приемы господствования и пороки господствующих остались прежними.

Во второй половине XIX века в России развернули активную антиправительственную деятельность представители радикального направления. Для демократически настроенного читателя на страницах наиболее «смелых» российских периодических изданий появлялись статьи о деятельности оппозиционных сил в сопредельных государствах. Примером служила появившаяся внезапно на политической арене Китайская революционная партия доктора Сунь Ятсена, «действия которой были широки, научны и современны» [10, с. 257]. Как и многие российские оппозиционеры, он был вынужден эмигрировать. Его перу принадлежит множество памфлетов. Один из них («Истинное решение китайского вопроса») представляет Китай ареной битвы других государств, а правящую маньчжурскую династию – тормозом процесса культурного развития и образования, желающим уничтожить стремление китайского народа к переменам. Не случайно спустя два года после завершения Первой русской революции (1905 г.) российские публицисты обращают внимание на то, что неудача китайских реформистов показала суету прямого или косвенного участия в управлении. Деятельность Сунь Ятсена была ярким примером. Он пришел к выводу, что для изгнания иностранцев и проведения назревших реформ необходимо, вдохновившись идеалом мира, труда, правосудия, создать революционную партию с четко сформулированными целями. Опорой в этом могли послужить тайные организации, которые занимались бы пропагандой и террором. Дух протеста, воодушевлявший революционеров, толкал их на убийство мандаринов, препятствующих проведению реформ. Описания, подобные этому, укрепляли убежденность российских революционеров («бомбистов») в правильности избранной тактики и могли служить примером еще не имеющему широкой социальной основы революционному движению.

В XIX – начале XX века результативность информационного воздействия публицистики на широкую читательскую аудиторию уже была достаточно высока. Неоднократно авторы прибегали к распространению китаеведческой информации посредством периодических изданий не с целью пропаганды культурного наследия приграничного государства, а для утверждения приоритета духовных ценностей собственного народа. Черпая из академических исследований факты и обобщения, популяризуя их, литераторы порой самостоятельно формулировали выводы, основываясь на собственном опыте и исходя из потребностей определенных социальных сил своего времени. Многие статьи были наполнены полемикой и борьбой за продвижение новых идей. Кроме того, описания социально-экономических и политических реалий иностранных держав, сравнение их с отечественными образцами, характеристики наиболее выдающихся людей, подчеркивание их достоинств и недостатков оказывали существенное воздействие на оценки, мнения и действия современников – ученых, политиков и простых обывателей.

Для намеренного формирования определенного образа авторы статей очень серьезно подходили к отбору характеристик интересующего политического персонажа и происходящих в то время событий, способных выгодно подчеркнуть те или иные его черты. Знакомясь с биографическими данными исторических фигур высокого статуса, невольно задаешься вопросом: как в условиях дворцовых интриг и заговоров, интервенции иностранных держав, народных волнений им удавалось длительное время оставаться приближенными императорской семьи? Сложность создания образов китайских чиновников заключалась в том, что на основе исключительно публицистических материалов, отличающихся противоречивостью, трудно однозначно охарактеризовать сложные натуры, но в конце XIX – начале XX века читатели не располагали иными источниками. В отличие от биографических сочинений, хроник и обобщающих трудов по истории Китая, авторы публицистики останавливались лишь на ярких событиях, раскрывающих специфику восточного культурно-исторического фона. Это в определенной степени объясняет повышенный интерес к жизни императрицы Цы Си, чиновников Ли Хунчжана, Хунань Чан Читуна, Кан Ювэя, Юань Шикая, Сунь Ятсена, являющих собой ряд наиболее колоритных образов политической истории угасающего императорского Китая.

Список литературы

1. Бикерман И. Муки рождения: Китай // Северные записки. 1916. Январь. С. 214-240.
2. Благодер Ю. Г. Образ императрицы Цы Си в российской периодической печати XIX – начала XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. Тамбов, 2010. № 1 (5). С. 37-40.
3. Васильев Л. С. Традиция и проблема социального прогресса в истории Китая // Роль традиций в истории и культуре Китая: сб. науч. тр. М.: Наука, 1972. С. 24-61.

4. **Заграничные исторические новости: китайская императрица-регентша** // Исторический вестник. 1900. № 7. С. 328-330.
5. **Китайский Бисмарк** // Вестник иностранной литературы. 1894. № 11. С. 83-86.
6. **Кюннер Н. В.** Новые документы по изучению Северного Китая // Сборник статей профессоров и студентов, приуроченный к XVIII годовщине основания Восточного института. Владивосток, 1917. С. 31-44.
7. **Макгован Дж.** Китайцы у себя дома: очерки семейной и общественной жизни. СПб.: Изд-во А. Ф. Девриена, 1910. 222 с.
8. **Общественная жизнь. Жертва женского террора в Китае** // Вестник иностранной литературы. 1900. № 2. С. 281-286.
9. **Общественная жизнь: Китайская республика – свершившийся факт: отречение от престола императора Пу-И** // Там же. 1912. № 3. С. 12-15.
10. **Общественная жизнь: политические партии в Китае** // Там же. 1907. № 7. С. 253-258.
11. **Позднеев А. М.** Об отношении европейцев к Китаю: речь, произнесенная на акте С.-Петербургского университета 8-го февраля 1887 года // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии / Главный штаб; Военно-ученый комитет. СПб., 1887. С. 228-263.
12. **Реформатор современного Китая** // Вестник иностранной литературы. 1903. № 5. С. 298-304.
13. **С. В.** Китайская императрица-регентша Си-Тай-Геу // Вестник всемирной истории. 1900. № 8. С. 95-111.
14. **Смерть китайского Бисмарка** // Вестник иностранной литературы. 1901. № 12. С. 309-310.

CHINESE OFFICIALS IMAGES IN RUSSIAN OPINION JOURNALISM IN THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

Yuliya Garieva Blagoder, Ph. D. in History
Department of Political Science and Law
Kuban' State Technological University
blagoder_1@mail.ru

The author presents the characteristics of the most influential and authoritative Chinese officials in the XIXth – the beginning of the XXth century given by Russian publicists on the pages of pre-revolutionary national periodicals. Images of ingenious politicians helped Russian educated readers to imagine not only the specific features of the Chinese administrative system, but also the traditional culture, moral and spiritual values of Chinese people. Describing critical events occurring in foreign countries, journalists set countrymen thinking of what was happening in their own country.

Key words and phrases: history of China; Qing Dynasty; Confucian foundations; Chinese officials; Chinese reformers; Russian opinion journalism.

УДК 94(470)“1935/53”

Данная работа является продолжением цикла статей о монахине Раисе. В ней исследуются подвижнические подвиги монахини Раисы, ее эпистолярное и духовное наследие в воспоминаниях современников и архивных материалах. Анализируется последний этап ее служения Отечеству и ближнему – с 1952 по 1957 годы. Обозначены способы и специфика следственного дознания, определяются некоторые нравственные сентенции из эпистолярного наследия монахини Раисы.

Ключевые слова и фразы: подвижничество; милосердное служение; репрессии по религиозным мотивам.

Владимир Гаврилович Бобровников, к.и.н., доцент
Кафедра истории, культуры и социологии
Волгоградский государственный технический университет
iks@vstu.ru

СЛУЖЕНИЕ «О ВСЕХ И ЗА ВСЯ» МОНАХИНИ РАИСЫ (1953-1957 ГГ.)[©]

Жизнь и деятельность монахини Раисы – это одна из граней подвижничества во имя России. В завершающей части нашего исследования [4; 5] мы акцентируем внимание на служении монахини Раисы «о всех и за вся» и ее духовно-нравственном наследии.

Органы безопасности г. Серафимовича следили за деятельностью прибывшей из мест не столь отдаленных монахини Раисы, и в январе 1953 года последовал второй арест.

Свидетелем второго ареста была Надежда Ивановна Подтелкова (хут. Нижнекривской Ростовской области). Она отмечала, что 69-летнюю Раису, болевшую в это время ногами, сняли с печи, посадили в кузов грузовой машины и увезли. Это было 18 января 1953 года [8, с. 15].

За месяц до ареста, 18 декабря 1952 года, вышло постановление УМГБ Кемеровской области об избрании меры пресечения. Приведем выдержку из него.